

Ш 66

530/—

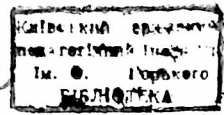
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
 КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
 ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

З. С. ШКАРАН

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
 ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ
 В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

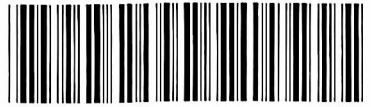
(10.660 — Русский язык)

530 (042)

АВТОРЕФЕРАТ
 диссертации на соискание ученой степени
 кандидата филологических наук

НБ НПУ

100207618

КИЕВ — 1971

Работа выполнена при кафедре русского языка Ровенского государственного педагогического института им. Д. З. Мануильского.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук В. М. РУСАНОВСКИЙ, кандидат филологических наук, доцент Г. В. СОДОЛЬ.

Внешний отзыв учреждения — Николаевский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского.

Автореферат разослан « » 1971 г.

Защита диссертации состоится *12 мая* 1971 г.

на заседании ученого Совета филологического факультета Киевского государственного педагогического института имени А. М. Горького, (г. Киев, Бульвар Шевченко, 22 / 24).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Ученый секретарь Совета.

Наша наука о языке до сих пор ощущает недостаточность разработки исторических проблем, особенно в области синтаксиса. К числу их относится и проблема изменения в употреблении предложных конструкций, установление основных тенденций в их развитии. О важности изучения предложных конструкций в историческом плане говорил В. В. Виноградов. По его мнению, нельзя оценить и заметить развитие новых предложных конструкций в современном русском языке, не изучив особенности развития предложных конструкций в предшествующие эпохи*. А. С. Мельничук подчеркивает, что «...исследование функций предлогов... приобретает особенно большое значение для исторической грамматики различных языков, а также для грамматического строя языка вообще».**

Предметом данного исследования является история глагольных предложных конструкций пространственного значения. В основу диссертации ^{иной} работы положен текстовый материал, взятый из разножанровых документов древнерусской письменности XI—XIV вв., и привлеченные для сравнения тексты позднейшего периода—XV—XVII вв., данные современного русского литературного языка и диалектов. При выборе того или иного памятника учитывалась степень его изученности: наряду с рукописями, которые уже подвергались исследованию в интересующем нас плане («Лаврентьевская летопись», «Первая Новгородская», «Ипатьевская» и др.), в диссертации привлечены памятники, частично изученные («Житие Нифонта» 1219 г., «Киево-Печерский патерик», «Сборник XII в. московского Успенского собора»), и полностью неизученные («Изборник Святослава 1073», «Новгород-

*В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 695.

**О. С. Мельничук, Историчний розвиток функцій і складу прийменників в українській мові. «Слов'янське мовознавство», изд. А. Н. УССР, К., стр. 125.

ские служебные минеи», «Новгородские грамоты на бересте», «Памятники русского народно-разговорного языка XVII ст.» и др.). Анализируемые явления сопоставляются с данными других славянских языков, в том числе и с фактами старославянского.

При исследовании структурных, функциональных и стилистических особенностей предложных конструкций применялся сравнительно-исторический метод с элементами статистического.

Основные задачи диссертации состоят в том, чтобы: 1) наиболее полно определить круг значений анализируемых конструкций, рассмотреть конкретные изменения в их структуре и функционировании; 2) установить степень употребительности и распространенности глагольных предложных конструкций пространственного значения в речевой практике восточных славян и представленность их в жанровых разновидностях древнерусских памятников.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и двух приложений, содержащих таблицу синонимических конструкций, списки исследованных памятников и использованной литературы.

Во введении дается обоснование темы, ставятся задачи работы, освещается история вопроса.

Основополагающее значение в изучении глагольных предложных конструкций пространственного значения имеют труды А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, работы Т. П. Ломтева, Н. И. Букатевича, А. С. Мельничука, Е. Т. Черкасовой и др.

Обзор литературы по истории глагольных предложных конструкций пространственного значения показывает, что основные пути исследования этих структур определены, но некоторые вопросы данной проблемы (семантический объем конструкций, анализ сферы их функционирования, степень употребительности и др.) продолжают оставаться недостаточно изученными.

В первой главе анализируются глагольные конструкции, в состав которых входят производные предлоги.

Анализ текстов дает основание говорить о том, что наиболее типичной особенностью конструкций с производными предлогами является их многозначность: почти каждая предложная конструкция, помимо своей основной функции, могла

выполнять функции других предложных образований. Так, конструкции с предлогом **изъ** употребляются там, где в современном русском языке используются словосочетания с предлогом **из-за**: «...придоша стрельцы **из валу**» (Новг. I, 42). Словосочетания с предлогом **из-за** в древнерусской письменности до XV в. не представлены. Наиболее ранние случаи их использования отмечены нами в «Московском летописном своде конца XV в.»: «И **придоша** к Володимирю **из за реки Клязмы**» (233).

Особенностью древнерусского языка является отсутствие в нем четкой дифференциации значений конструкций с предлогами **изъ** и **съ**, **въ** и **на**, в результате чего эти структуры часто смешивались: «**приеха с Москвы**», «**примати изъ Москвы**»; «**приде изъ Кыева**», «**прогна съ Кыева**»; «**бежа съ двора**», «**выбежа изъ двора**»; «**послаша во Тферь**»; «**посла на Тверь**»; «**отиде въ островъ**», «**вышедъше на островъ**».

В работе устанавливаются семантические группы имен существительных, при которых было возможно употребление обоих предлогов; приводится таблица количественного соотношения отмеченных предлогов при собственных существительных, а также при словах **село**, **волость**, **дворъ**, **поле**, **улица**, **гора**, **страна** и др. Было установлено, что структурно-семантическая унификация данных конструкций является особенностью преимущественно деловой письменности и летописей. Можно предположить, что источником возникновения параллельных конструкций является разговорная речь. Анализ альтернативных конструкций в диахронном плане позволил выявить тенденции, свидетельствующие о сужении их функционирования, что происходило за счет закрепления каждого из названных предлогов за определенными группами имен существительных. Материал изученных памятников свидетельствует о том, что синтаксическое разграничение в употреблении предлогов **въ** и **на**, **изъ** и **съ** сначала установилось при собственных существительных, обозначающих названия населенных пунктов, затем при нарицательных существительных со значением ограниченного, замкнутого пространства (**место**, **волость**, **городъ**, **островъ**, **съльце** и др.) Случаи недифференцированного употребления предлогов **въ** и **на** при указанных существительных многочисленны также в памятниках XVI—XVII вв. Процесс разграничения функций предло-

гов **из** и **с**, **в** и **на** очень длительный, не завершённый и в настоящее время*.

Конструкции с предлогом **от** в памятниках XI — XIV вв., кроме значения движения от наружной стороны предмета, пространства, выполняют функции современных словосочетаний с предлогами **из** и **с**...: «...излезшоа **от** моря» (Жит. Ниф., 41); «И се вольсви **придоша отъ** вѣстока» (Лавр., 71).

Сопоставительное изучение памятников различных жанров позволило сделать вывод о том, что употребление словосочетаний с предлогом **отъ** в значении движения изнутри предмета или из пределов пространства было нормой памятников церковного характера. В большом количестве данные конструкции представлены в Изборниках Святослава 1073 и 1076 гг., «Житии Нифонта», «Киево-Печерском патерике», в «Сказании о Борисе и Глебе», в памятниках, вошедших в состав сб. московского Успенского собора. В летописях же они редки, исключение составляет «Лаврентьевская летопись», где рассматриваемые конструкции встречаются часто, как правило, в религиозных рассуждениях, в цитатах из священного писания. В памятниках делового жанра данные словосочетания отсутствуют, что, вероятно, свидетельствует об их книжности. В дальнейшем названные структуры не закрепились в речи, видимо, вследствие ограниченной области их употребления (язык церковных памятников) и оторванности от живой народной речи. Они были вытеснены конструкциями с предлогом **из**, которые более конкретно передают значение движения изнутри предмета или из пределов пространства, чем структуры с предлогом **отъ**. В книжной речи в силу традиций письма данные модели сохранялись пережиточно вплоть до XVIII в.: «...слезы же **от** очию испущающе, **от** уст же благодарныя песни възсылающе» (Пов. о прихож. Ст. Бат., 39); «Азь же **пришедь отъ церкви**» (Жит. Авв., 71). В некоторых других славянских языках, например, в болгарском словосочетания с предлогом **от** в данном значении сохранились до настоящего времени.

Аналогична судьба и структур с предлогом **отъ** в значении отделения от поверхности предмета: «...воста **отъ** одра» (Жит. Ниф., 246). В восточнославянской письменности они редки; сфера употребления их ограничена преимущественно церков-

*См. Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, К., 1958, стр. 313; «Грамматика русского языка», М., т. 2, ч. 1, стр. 208.

ными памятниками, в летописях отмечаются только единичные примеры: «... **съмештуть съ горы отъ каменя** въ пропасть» (Изб. Св. 1073); «Человекъ **съляза отъ одра** своего» (Изб. Св. 1076); «Гору ты Даниль видяще..., **от нея же отгрьже ся камы**» (Служ. мин., 68). Видимо, и эти структуры были свойственны книжной речи восточных славян. Слово сочетания с предлогом **отъ** в значении движения от поверхности предмета не закрепились в употреблении, в процессе развития языка их вытеснили продуктивные конструкции с предлогом **съ**. Таким образом, слово сочетания с предлогом **от** значительно сузили сферу своего применения.

Более широким семантическим объемом в исследуемый период характеризуются конструкции с предлогом **до**. В языке XI — XIV вв. они обозначают: 1) предел, границу распространения действия—движения: «...**допроводити его до святых местъ**» (К.—Печ. пат., 24); 2) движение внутрь предмета, в пределы пространства: «А—Щернигова **до Кыева...ездих ко отцю**» (Лавр., 162); «...князь...**утече до города**» (Моск. лет. св., 73); 3) направление действия—движения к лицу, предмету: «...и **придоша до места** идеже лежаста святая» (Сказ. о Бор. и Гл., 29). Исследование памятников XI — XIV вв. позволило заметить, что основным пространственным значением структур с предлогом **до**, как и в современном русском литературном языке, является значение предела распространения действия—движения. Конструкции этой группы не имеют ни жанровых, ни территориальных ограничений. В составе рассматриваемых слово сочетаний употребляются глаголы различных семантических групп: со значением движения, пребывания, положения в пространстве, конкретного действия. Отмечено, что круг глаголов, употребляющихся в составе моделей с предлогом **до** для обозначения пространственного предела действия, в истории русского языка сократился. Для современного русского языка не характерны структуры типа «...**седять до земле**» (Лавр., 10); «...**прилежащи до Курини**». (Лавр., 9). Модели с предлогом **до** в значении направления действия—движения к лицу, предмету в исследованных текстах единичны и прослеживаются уже в ранних памятниках древнерусского языка: «...да понудити Агапита **приити до него**» (К.—Печ. пат., 130); «...**принесь...до пророка Данила**» (Лавр., 193). Известны подобные структуры и памятникам старославянского языка: «И народи искаху его и **придя до него**» (Мар. ев., Лука, VI, 42—44); «**Идя...до святаго мужа**

поведати ему свою беду (Супр., 73). А. А. Потебня высказал предположение, что значение направления действия к лицу для предлога **до**, «по-видимому, относительно ново». * Материал изученных нами памятников древнерусского и старославянского языков позволяет высказать предположение, что данное значение для предлога **до** не ново и, очевидно, восходит к общеславянскому периоду. Дальнейшая судьба рассматриваемых конструкций на различной восточнославянской территории сложилась по-разному. На территории Западных и Юго-Западных земель, где формировались украинская и белорусская народности, структуры с предлогом **до** в значении направления движения до границ закрепились и получили дальнейшее развитие, о чем свидетельствуют современные украинский и белорусский языки. В Северо-Восточной Руси они были вытеснены словосочетаниями с предлогом **к**. Аналогично сложилась судьба конструкций с предлогом **до** и в значении направления действия движения **внутри** предмета, в пределы пространства: «**И приде до корабля и вьстрепеташа сущи въ корабле**» (Жит. Ниф., 331). Таким образом, в процессе исторического развития сфера употребления конструкций с предлогом **до** в пространственном значении в русском языке значительно сузилась, в украинском и белорусском языках — расширилась за счет конструкций с предлогами **к** и **в**.

Более разнообразны по лексическому составу и словосочетания с предлогом **у**. В их структуре употребляются не только существительные, обозначающие пространственные понятия, но и одушевленные предметы: «**А иже убийють огнищанина у клите или у коня, или у говяда..., то убити въ пса место**» (Рус. Пр. 4.); «**...сташа у епископа**» (Лавр., 120); «**...и поставивъше ю у конь**» (Усп. сб. XII в., 100). Примеры данного типа отражают, очевидно, тот период в жизни восточнославянских языков, когда не было производных предлогов со значением пространственной близости и предлог **у** в значении близости по месту употреблялся как при одушевленных, так и неодушевленных существительных. Конструкции типа «**дружине стоящи у князя**» могли вызывать двусмысленное понимание: и как «**возле епископа**», и как «**находиться у епископа**». Появление предлогов **около**, **възле**,

* А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, М.-Л., 1941, т. 4, стр. 262.

подъле устранило эту двусмысленность: при именах существительных одушевленных вместо предлога **у** стали употребляться предлоги **около, възле, подъле**. Следовательно, состав имен существительных, употреблявшихся в рассматриваемых конструкциях, был более разнообразен, чем в современном русском литературном языке.

Для передачи значения пространственной близости в древнерусском языке употребляются конструкции с предлогом **при**, которые, в отличие от структур с предлогом **у**, встречаются очень редко. В составе этих конструкций отмечены существительные, обозначающие пространство: **берегъ, море** и др. Напр.: «Литва же **бъше стала при озере**» (Ип., 566). Памятники свидетельствуют о том, что в древнерусском языке словосочетания с предлогом **при** имели книжный характер, они представлены в летописях и памятниках церковного содержания. В документах, близких к живой народной речи (грамотах), они отсутствуют. Конструкции с предлогом **при** свойственны старославянскому языку, где они являются основным грамматическим средством выражения значения пространственной близости. Сопоставление памятников старославянского и древнерусского языков позволяет сделать вывод о том, что круг имен существительных, с которыми употреблялся предлог **при**, в старославянском языке шире. В их составе отмечены и одушевленные существительные со значением лица: «...по вся дъни **седеахъ при васъ** в църкве» (Мар. ев., Мат., XXVI, 49—57). Сужение сферы употребления рассматриваемых словосочетаний в древнерусском языке шло за счет развития в нем структур с предлогами **около, възле, подъле**, которые, по нашим наблюдениям, не характерны для старославянского языка. Дальнейшая судьба конструкций с предлогом **при** в восточнославянских языках была различной: в русском языке они сохранились, не получив, однако, широкого распространения; в украинском — обороты с предлогом **при** «...привились лучше».*

Широко употребительны и многозначны в памятниках рассматриваемого периода структуры с предлогом **къ**. Они передают следующие значения: I) направление действия-движения к границам предмета: «... **приидосте къ...горе и къ гра-**

*И. И. Слышко, Исследование по историческому синтаксису украинского языка XIV—XVIII вв. (История предикативных, притяжательных, объектных, пространственных и временных оборотов). Автореф. докт. дисс., 1970, стр. 39.

ду» (Изб. Св. 1073); 2) направление движения внутрь предмета или в пределы пространства: «...**приде князь Юрьи къ Киеву** и седе на столе» (Новг. 1,63); 3) совершение действия по направлению к определенному объекту: «... **городовъ не ставити ко Корелской земле**» (Гр. Вел. Новг. и Пск., 170); 4) указывают на конечный пункт при обозначении границ известного отрезка пространства: «...римляне, немци...**приседать от запада къ полуденью**» (Лавр., 10). Продуктивность конструкций с предлогом **къ** не одинакова. Широко функционирующим грамматическим средством являются словосочетания, обозначающие направление действия-движения к границам предмета. Они употребляются в древнейших памятниках и не имеют жанровых и территориальных ограничений. В их составе выступают глаголы разных семантических групп с различным грамматическим оформлением. Конструкции с предлогом **къ** в значении направления действия-движения к границам предмета, пространства впоследствии расширили сферу употребления за счет образований с предлогом **до** и беспредложного дательного направления.

Словосочетания, обозначающие направление действия-движения в пределы пространства, совершение действия по направлению к определенному объекту, в памятниках XI—XIV вв. менее распространены. Сфера употребления их ограничена деловыми и летописными памятниками. В литературном русском языке последующих эпох данные конструкции вышли из употребления в силу тенденции языка освобождаться от дублетных речевых средств.

Конструкции глагол+по+дательный падеж в рассматриваемый период мало чем отличаются от подобных образований современного русского литературного языка и характеризуются в основном одинаковыми функциями, но при наличии функциональной общности их отмечены особенности, не свойственные современному русскому литературному языку. Они касаются, главным образом, круга глаголов, употреблявшихся в словосочетаниях с предлогом **по** при обозначении места, пространства, в границах, пределах которого совершается действие. В их составе употребляются глаголы различных семантических групп: 1) глаголы движения и направленного действия: **идти, ходити, летати, возити, ехати, посылати** и др.; 2) глаголы конкретного действия: **воевати, творити, избити, гостити** и под.; 3) глаголы находж-

дения, положения в пространстве: **быти, стати, жити, седети** и под, напр: «...**ездити по волости**» (Гр. Вел. Новг. и Пск., 9); «...**быша гром и мълния по небеси**» (Жит. Ниф., 300); «А гости нашему **гостити по Суждальской земли без рубежа**» (Гр. Вел. Новг. и Пск., 13). В современном русском литературном языке в подобных словосочетаниях употребляются глаголы со значением движения и перемещения в пространстве.

Наблюдения показали, что более разнообразны по лексическому составу в памятниках древнерусского языка обороты глагол+по+винительный падеж со значением предела распространения действия—движения. В их составе находим существительные различной семантики: 1) собственные существительные—названия населенных пунктов, рек: «**Разделиста... по Днепръ Рускую землю**» (Ип., 104); 2) существительные, обозначающие территориально-ограниченное пространство: **дубъ, болото, поле, лесъ** и др.: «А заводъ той земле **по Саронскую между...от ручья по черныи лесъ**» (Гр. Вел. Новг. и Пск., 178); 3) существительные, обозначающие предметы: **дубъ, изба, лоза, камень** и т. п.: «А межа пожни **по дубъ**» (Там же, 330). Для конструкций с предлогом по характерна жанровая закреплённость — они употребляются преимущественно в грамотах. В летописях данные структуры единичны и совершенно отсутствуют в памятниках церковного содержания. Конструкции с предлогом **по** синонимичны моделям с предлогом **до**: «...**дойдетъ до третьяго свода**» (Рус. Пр., 3). Они различаются смысловыми оттенками и сферой употребления. Семантические различия состоят в том, что конструкции с предлогом **по** содержат оттенок подчеркнутой предельности, который наиболее отчетливо выступает в тех случаях, когда обе синонимические конструкции употребляются рядом, в одном предложении, напр.: «...а заводъ тымъ землямъ...**до Сулонской межи по великои камень**» (Гр. Вел. Новг. и Пск., 280). Функционирование моделей с предлогом **до** не имеет стилистических ограничений, они прослеживаются в памятниках различных жанров.

Структуры глагол+по+винительный падеж в памятниках рассматриваемого периода упогребляются также в значении места совершения действия по отношению к другому предмету. В этих конструкциях заметна лексическая ограниченность (существительные **рука, сторона** в сочетании с прилагательными **левый, правый**). Напр.:

«...по ливую руку земля великого князя» (Гр. Вел. Новг. и Пск., 285); «...по правую руку вода» (Гр. Вел. Новг. и Пск., 285). Подобные образования отмечаются в памятниках с XIV в., в частности, в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова», под 1315—1322 гг. Распространение этих конструкций стилистически ограничено: они свойственны только языку грамот, что свидетельствует о народно-разговорном характере данных моделей.

В памятниках древнерусской письменности единичными примерами представлены конструкции с предлогом **по** в значении места совершения действия: «...быша по места събора» (Изб. Св. 1076); «...по вся грады поставити» (Усп. сб. XII в., 142). Данные словосочетания встречаются исключительно в высоком стиле. Здесь, вероятно, сказалось влияние старославянского языка, в котором рассматриваемые конструкции широко представлены: «...посла же по вся грады» (Супр., 200). В дальнейшем подобные конструкции вышли из употребления, наиболее поздние случаи их использования отмечены нами в «Новгородской летописи по Комиссионному списку».

Предлоги **надъ** и **предъ** в памятниках восточнославянской письменности, в отличие от современного русского литературного языка, употребляются с двумя падежами—винительным и творительным. Словосочетания, в состав которых входят предлоги **надъ** и **предъ** с винительным падежом, редки. Основное значение данных конструкций заключалось в обозначении направления действия-движения к лицу: «И се приде надъ нь диаволь» (Жит. Ниф., 278); «...приди надъ мрътвьць... и въскреси и» (Усп. сб. XII, 105); «...преведоша Моисея предъ Фаравона» (Лавр., 16). Названные конструкции равнозначны моделям с предлогом **къ**: «Приде къ нему уноша краснь зело» (Изб. Св. 1073). Данные структуры являются дублетными, поэтому с течением времени выходят из употребления, их заменяют продуктивные конструкции с предлогом **къ**. Процесс вытеснения этих словосочетаний проходил одновременно. Конструкции с предлогом **надъ** вышли из употребления приблизительно к XV в. Наиболее поздние примеры их использования отмечаем в «Новгородской летописи по Комиссионному списку»: «...ту убиша Изяслава Давыдовича, и еще ему лежащю приеха надъ онъ Ростиславъ и Мстиславъ» (11). Словосочетания с предлогом **предъ**

держались дольше, до XVII—XVIII вв. Ср.; «...воевод... пред короля привести» (Пов. о прихож. Ст. Бат., 72).

Конструкции с предлогом **подъ** существенных отличий в сравнении с современным русским литературным языком не имеют.

Активно функционирующими в речи XI — XIV вв. являются словосочетания глагол + за + винительный падеж, что объясняется отсутствием в языке синонимических конструкций. Основным значением их, как и в современном русском языке, является указание на предмет, по другую сторону которого, через который направляется действие: «...заехаша за гору, не видети тою» (К.—Печ. пат., 64).

Словосочетания с предлогом **за** в древнерусском языке употреблялись и в значении «следования»: «...идохомъ за не ис Переяславля» (Лавр., 161). Подобные образования в анализируемых памятниках весьма ограничены. К XV в. они выходят из употребления, их вытесняют конструкции глагол + за + творительный падеж.

Структуры глагол + о (объ) + винительный падеж в памятниках письменности XI—XIV вв., в отличие от современного русского языка, имеют пространственное значение: «... не постави его о десную себе» (Изб. Св. 1076); «...сташа об ону страну Оке» (Новг. I, 50); «И ста Володимеръ об онъ поль города» (Лавр., 75). Употребление данной конструкции ограничено в основном оборотами «**объ онъ поль**», «**о десную**», «**о шуюю**», «**об ону сторону**», «**о сю сторону**». В процессе развития русского языка рассматриваемые структуры вышли из общенародного употребления, но хорошо сохранились в говорах. *

Конструкции глагол + съ + винительный падеж в памятниках древнерусской письменности отмечены единичными примерами. Обозначают они место пребывания, совершения действия по отношению к другому предмету, имеющему две стороны: «А межа с нижнего конца до Астафьеви земли..., а с **верхнюю сторону** до озера, с **нижнюю сторону** до Ливы» (Гр. Вел. Новг. и Пск., 228). Употребление этих словосочетаний лексически ограничено со стороны зависимого слова: в их составе отмечаются существительные

*См. Ф. П. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису. Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 4, М., 1948, Л., стр. 58; Л. М. Лошева, Синтаксические особенности русских народных говоров, Черновцы, 1961, стр. 24.

рука и **сторона** в сочетании с именем прилагательным. Подобные конструкции встречаются преимущественно в языке грамот, что свидетельствует о принадлежности их к живой народной речи. Позже (приблизительно к XIV в.) они вытесняются оборотами глагол + сь + родительный падеж, хотя в некоторых говорах Сибири они сохранились и доныне.*

В языке эпохи XI — XIV вв. менее активны конструкции глагол + за + творительный падеж. В памятниках рассматриваемого периода не встречаются словосочетания типа **сидеть за столом**. Наиболее ранние примеры подобных конструкций зафиксированы в «Московском летописном своде конца XV в.»: «...ядоша за столом» (296). Словосочетания с предлогом **за** употребляются также в значении «следования»: «...новгородци же ...поскочиша, а Мьстиславъ поеха за ними» (Новг. I., 56). В древнерусской письменности эти конструкции почти не употребительны. Обычным грамматическим средством выражения значения «следования» являются конструкции с предлогом **по**: «... новгородци идоша по нихъ» (Новг. I., 57), менее распространенными — конструкции с предлогом **въследь**. В подтверждение высказанной мысли приведем статистические данные употребления названных конструкций в исследованных текстах: с предлогом **по** отмечено 128 примеров, с предлогом **въследь** — 29, с предлогом **за** — 11. Таким образом, словосочетаний с предлогом **за**, видимо, только входили в речевую практику восточных славян. В языке памятников XV—XVII вв. частота употребления словосочетаний с предлогом **за** заметно возрастает. Так, в «Московском летописном своде конца XV в.» структуры с предлогом **за** уже преобладают над моделями с предлогом **по**, а в памятниках XVI—XVII вв. они становятся ведущими (по данным «Жития Аввакума», «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»). Быстрое вытеснение конструкций с предлогом **по** словосочетаниями с предлогом **за**, по всей вероятности, объясняется, с одной стороны, оторванностью конструкций с предлогом **по** от живой народной речи (памятникам деловой письменности они не известны), а с другой стороны, конструкции с предлогом **за** точнее передавали значение «следования», чем словосочетания с пред-

*А. М. Селищев, Диалектологический очерк Сибири, Иркутск, 1921, стр. 261.

логом **по**. Следовательно, в истории русского языка происходил процесс расширения функционирования конструкций с предлогом **за** за счет утраты структур с предлогом **по**.

Конструкции глагол+о (объ)+местный падеж в языке эпохи XI — XIV вв. представляют собой остаточное явление. Примеры подобных структур редки и отмечены преимущественно в памятниках церковного характера: «...отць... възложи поясъ о чреслехъ» (К. — Печ. пат., 2). «...виде мьногъ народъ о немъ» (Усп. сб. XII, 111). Словосочетания с предлогом **о (об)** в русском и других славянских языках освободились от собственно локальных функций и употребляются в значении объекта мысли, чувств и говорения. В некоторых северных говорах данные структуры сохранили и пространственное значение: «щепки кладет **о себе в кую**».

Наряду с предложными конструкциями, для выражения пространственных отношений употребляются беспредложные обороты, которые в исследованных текстах уступают место предложным, употребление их носит лексически связанный характер. Так, родительный достижения ограничен глаголами движения с приставкой **до**—«...дошьдь...острова» (Жит. Феод., 63); «...дондоста Смольнска» (Новг. I, 35). В форме родительного падежа возможны как собственные, так и нарицательные существительные, обозначающие пространственные понятия (**градъ, островъ, место**). Сфера употребления родительного пространственного удаления несколько шире: он отмечен не только при глаголах с приставкой **отъ**, но и при других приставочных и бесприставочных образованиях: «...отступи волюю **Киева**» (Новг. I, 33); «...отбегоша же **товара**» (Лавр., 112); «...бегоша людье **огня**» (Лавр., 117); «...звери **убежати**» (Изб. Св. 1073). Широко представлены словосочетания, в которых удаление воспринимается переносно: «...беган **пиянства**» (Изб. Св. 1076); «...человечьскааго **бежаша суетства**» (Служ. мин., 193); «...убегати **врачевныя пользы**» (Изб. Св. 1073).

Употребление беспредложного дательного и местного падежей ограничено со стороны зависимого слова: в зависимой позиции употребляются, как правило, существительные собственные, представляющие названия городов. В ранних памятниках древнерусской письменности названные падежи возможны и от нарицательных существительных как адвербиализованного, так и неадвербиализованного типов, но таких

случаев немного: «...змарагдъ зеленъ...**есть горохъ**» (Изб. Св. 1073); «...ю поставиша лесу (Усп. сб. XIIв., 116); дательный падеж: «...тело его ... **гробу предавъ**» (Изб. Св. 1076); «...**църкви приведоша**» (Служ. мин., 142); «...**приближашася палате**» (Усп. сб. XII, 98). Возможен был дательный направления и от существительных со значением лица: «**И не приближайся жрьтве неправдне**» (Изб. Св. 1076); «... **приде ему посольъ**» (Ип., 258).

Во второй главе анализируются конструкции, в состав которых входят производные предлоги.

В памятниках XI — XIV вв. в составе различных типов словосочетаний употребляются следующие предлоги: **около, подле, възле, вьне, кроме, мимо, сквозе, межн, вьследь, вьнутрь, върху, выше, ниже, пониже, повыше, прямо, противу, окръсть, округъ, вькругъ кругъмь, вьскраи, въздоле, сторонь, посторонь, поперекъ, подале, далече, близко, дали, среде (и), посереде (и), изнутри, изнутрь, близъ, преки, задомъ и др.** Структуры с производными предлогами, как правило, однозначны. К многозначным следует отнести модели с предлогами **около, сквозе, противу**. Так, конструкции с предлогом **около** в памятниках рассматриваемого периода, кроме значения пространственной близости, выполняют функции словосочетаний с предлогом **вокруг**: «...и **стояша около града** днии 30 и 3, и **изнемагаху людье в граде**» (Лавр., 150). Употребление конструкций с предлогом **сквозе** не обязательно связывалось со значением прохождения через внутреннюю сторону предмета. Эти структуры могли выражать движение по поверхности предмета, выполняя функции словосочетаний с предлогом **через**: «...**не проидеть сквозе землю**» (Изб. Св. 1073). Структурные и функциональные различия между данными конструкциями, как свидетельствует материал памятников, сложились только к концу XVIII века. Еще в памятниках XVIIв. эти модели употребляются параллельно.

Более широким семантическим объемом, в сравнении с современным русским языком, характеризуются словосочетания с предлогом **противу**. Они совмещают функции современных конструкций с предлогами **против** и **навстречу**: «... **положиша ю... противу гробу**» (Лавр., 140); «...и **выидоша противу ему множество народа**». (Ип., 24). Структуры с предлогом **против** в значении направления действия-движения в сторону лица заменились с XVIII в. словосочетаниями с предлогом **навстречу**.

Конструкции с производными предлогами характеризуются богатой синонимикой. Так, для выражения значения действия и предмета, на близком расстоянии от которого совершается действие, употребляются словосочетания с предлогами **около**, **подъле**, **възле**, **близъ**, **подале**, **въдале**, **близко**, **далече**, **въскрай**, **сторонь**, **посторонь**, **въздоле** и др.: «...седоша около церкви» (Новг. I, 100); «...посадиша е...возле **Вислы**» (Ип., 565); «...ходящима подлѣ града» (Ип., 168); «...придоша близъ Руси» (Новг. I, 62); «...стоящую далече пропасти» (К.—Печ. пат., 139); «...вода текущи въздоле горы» (Лавр. 40); «...блаженны же бе въскрай его седя» (Жит. Феод., 87); «...положиша и посторонь Климента» (Новг. I, 97).

В работе устанавливается степень употребительности названных структур (с элементами подсчета) и их представленность в жанровых разновидностях древнерусских памятников. В рассматриваемый период основным грамматическим средством выражения значения пространственной близости были конструкции с предлогом **около**. Словосочетания с предлогами **дали**, **подале**, **близко**, **далече**, **въскрай**, **въздоле**, **сторонь**, **посторонь** малопродуктивны. Некоторые из них (**сторонь**, **посторонь**) имели и территориальное ограничение. Данные структуры отмечены нами в памятниках новгородского происхождения, что свидетельствует, видимо, о диалектном их характере.

Древнерусский язык располагал несколькими предложными конструкциями для обозначения действия и предмета, вокруг которого совершается действие: **окрыть**, **окрыть**, **окрыть**, **окрыть**, **окрыть**: «А свиньи ти, княже, гонити за 60 версть около города» (Гр. Вел. Нов. и Пск., 27); «пролияша крѣви ихъ акы воду окрыть иерусалима» (Изб. Св. 1073); «...и власы своя распрострьть окрыть главы» (Усп. сб. XIIв., 138); «...въкрыть Палья острова» (Гр. Вел. Новг. и Пск., под 1415 — 1421гг.); «...събираючи орьсть себе ины многы звездь» (Жит. Феод., 43). Для выражения значения кругового охвата чаще всего употребляются конструкции с предлогом **около**, тогда как структуры с предлогами **въкрыть**, **окрыть**, **окрыть** единичны. В синонимических отношениях находились и конструкции с предлогами **противу** и **прямо**, **кромѣ** и **въне**, **преки** и **поперекъ** и др. Одни из таких конструкций были взаимодействующими языковыми средствами, так как сохраняли семантические, структурные или стилистические особенности, (например, конструкции с предлогами **около**, **подъле**, **възле**, **близъ**), другие были дублетами (конструкции с пред-

логами **око́ругъ, око́ло, кругъмь, въкругъ, кругъ**, обороты с предлогами **кроме** и **въне**, **прямо** и **противу**, **черезъ** и **сквозе** (в значении движения по поверхности предмета). Дублетные конструкции представляли внутриграмматическое противоречие, которое устранялось путем утраты одних предложных конструкций и закрепления других*. Словосочетания с предлогами **дали, подале, въдале, близко, далече, въскраи, сторонь, посторонь, око́ругъ** отмирали. Они были вытеснены активными синонимическими конструкциями с предлогами **у, око́ло** (в диалектном обиходе некоторые из них сохранились). Структуры с предлогами **око́ло, подле, возле, вокруг, кругом, близ, вне** продолжают функционировать и в современном русском литературном языке. Конструкции с предлогами **вокруг, кругом** не только сохранились в современном русском литературном языке, но и расширили сферу применения за счет отмирания структур с предлогами **око́руг, окрест, око́ло** (в значении «кругом»). Конструкции с предлогом **вне** сохранились в употреблении, но являются, как и в древнерусском языке, особенностью книжно-письменной речи, в разговорной речи они заменяются структурами с предлогом **за**. Следовательно, тенденция к стилистической дифференциации конструкций с предлогами **вне** и **за**, наблюдаемая в письменности древнерусского языка, имеет свое историческое продолжение. Структуры с предлогами **кроме** в истории восточнославянских языков утратили пространственное значение. Развитие конструкций с предлогами **внутри** и **внутрь** шло в направлении дальнейшей дифференциации их функций. В памятниках изучаемого периода употребление этих предлогов смешивалось. Ср.: «И сего внесъше, **внутри** печере положиша» (К.—Печ. пат., 104); «...**вниде** **внутри** его» (Жит. Ниф., 226). Этот процесс был очень длительным и закончился только к XIX в.

В древнерусской письменности наблюдаются особенности в сочетании производных предлогов с падежами. Так, предлоги **подъле, възле, мимо, въследъ, поперекъ**, в отличие от современного русского литературного языка, употребляются с двумя падежами, а предлоги **противу, межи** — с тремя. При предлоге **противу** наблюдается стилистическая дифференциация в употреблении падежных форм: в церковных памятниках предлог **противу** употребляется с именем существитель-

* Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, Изд. МГУ, 1956, стр. 30.

ным в дательном падеже, в памятниках, близких к живой народной речи, — с родительным. В летописях наблюдаются колебания в употреблении названных падежных форм. Причем, соотношение их в летописях различно, например, в «Лаврентьевской летописи» только в 2-х случаях из 54 при предлоге **противу** употреблен родительный падеж. В «Первой Новгородской летописи», стиль которой ближе к народному, при данном предлоге преобладает форма родительного падежа.

Исторические изменения в синтаксической сочетаемости производных предлогов с пространственным значением сводятся к следующему. Предлоги **подле**, **возле** к XVIIв. утратили при себе форму винительного падежа (в некоторых северных говорах такое управление сохранилось). При предлоге **вслед** форма родительного падежа была заменена формой дательного, а при предлоге **против** дательный и винительный падежи — родительным. Материал изученных памятников показывает, что раньше вышел из употребления винительный падеж. Форма дательного падежа утратилась позже. Еще в летописях XVI—XVIIвв. наблюдаются колебания в употреблении форм родительного и дательного падежей. В диссертации приводятся статистические данные употребления при предлоге **против (у)** винительного, родительного и дательного падежей. Они свидетельствуют о том, что лишь к концу XVIIв. при предлоге **против** устанавливается форма родительного падежа (по данным «Первой Псковской летописи»), в некоторых северных говорах предлог **против** сочетается и с винительным падежом: «... **против воду**». * При предлоге **мимо** форма винительного падежа заменена формой родительного. В памятниках XVIIв. родительный падеж при предлоге **мимо** становится нормой: «...**мимо** тон **церкви ходить**» (Котош., 9); «...**мимо** **меня пробежали**» (Жит. Авв., 37). В результате указанных изменений все производные предлоги, употребляющиеся для выражения пространственных отношений, стали однопадежными.

В заключении диссертации обобщаются результаты исследования:

I. Древнерусский язык эпохи XI — XIVвв. располагал богатой системой глагольных предложных конструкций, служивших для выражения самых разнообразных пространственных значений и оттенков. Наряду со структурами, харак-

*А. М. Селищев. Цитированная работа, стр. 126.

тёрными и для современного русского литературного языка, наблюдается употребление таких оборотов, которые в настоящее время не функционируют (с предлогами **близко, сторона, посторонь, въскраи, върху, выподи, задомъ, преки, въздоле** и др.). При анализе фактического материала было обнаружено, что степень употребительности и распространенности конструкций не одинакова. Широко употребительными в рассматриваемый период были структуры с предлогами **изъ, съ, отъ, до, въ, на, за, къ, по, предъ, около, противу, сквозе, межи, ниже, выше**. Словосочетания с предлогами **при, о(объ), съ** (в сочетании с винительным падежом), **възле, подыле, близко, пониже, повыше, сторона, посторонь, въскраи, върху, выподи** засвидетельствованы небольшим количеством примеров, что объясняется, видимо, ограниченностью сферы их употребления, а также наличием в языке активных синонимических конструкций. Редки в изученных памятниках и структуры с предлогами **въкругъ, кругъмь, за** (в значении «следования»), которые, по-видимому, только входили в речевую практику восточных славян.

Наряду с активно функционирующими предложными конструкциями, для выражения пространственных отношений употреблялись и беспредложные формы, отражающие черты глубокой древности.

2. Анализ предложных конструкций со стороны значения свидетельствует о слабой дифференциации их функций, об их многозначности. В памятниках изучаемого периода более широким семантическим объемом в сравнении с современным русским литературным языком характеризуются словосочетания с предлогами **отъ, до, съ, въ, на, по, надъ, предъ, при, сквозе, около, противу**. Следствием многозначности конструкций можно объяснить наличие в памятниках древнерусской письменности большого количества синонимических и параллельных конструкций. Появление параллельных структур в древнерусском литературном языке следует, по-видимому, объяснить также влиянием на него живой народной речи и памятников старославянского языка.

3. В использовании конструкций пространственного значения заметна стилистическая дифференциация, связанная с различием сфер функционального и жанрового применения. Наряду со стилистически нейтральными, наблюдаются структуры, употребление которых ограничено памятниками определенных стилей. Так, словосочетания с предлогом **отъ** в

значении движения изнутри предмета, конструкции с предлогом **надъ** в значении движения к лицу, структуры с предлогами **окрьсть, прямо, въне, върху, по** (в значении «следования»), **близь, въскрай**, были, по-видимому, нормой книжной речи: они засвидетельствованы в летописях и памятниках церковного характера. Конструкции же с предлогами **съ, по** (в значении места, по отношению к которому совершается действие), **по, за, къ** в значении пространственного предела действия-движения, **поперекъ, подъле, възле, опричь, пониже, повыше, промежи**, по всей вероятности, были принадлежностью разговорной речи, так как их употребление ограничено преимущественно деловыми памятниками. В использовании синонимических конструкций обнаруживается не только их жанровая закрепленность, но и предпочтительность в употреблении той или иной структуры различными летописцами.

4. Формирование предложных конструкций пространственного значения, отраженных в памятниках древнерусской письменности, относится к разным периодам истории языка. Словосочетания, в состав которых входят первичные предлоги, а также производные — **близь, противу, въне, кроме, окрьсть, мимо, между, кругъмь, вънутрь, сквозе, округъ, ниже, выше** — восходят к дописьменному периоду. Они находят отражение уже в ранних памятниках древнерусского языка, тогда как структуры с предлогами **въкругъ, кругъ, повыше, пониже, из-за, изнутри**, очевидно, являются образованиями исторического периода.

Диакронное изучение предложных и беспредложных конструкций позволило отметить наиболее существенные тенденции в их развитии:

а) Русский язык утратил многие беспредложные конструкции, заменив их предложными, которые точнее дифференцировали значение и функции падежей. Дательный направления и беспредложный локатив вышли из общенародного употребления, но сохранились в некоторых современных русских говорах.

б) Существенные изменения происходили также в значении рассматриваемых конструкций. В них отчетливо прослеживается тенденция к дифференциации функций. Этот процесс находил отражение, с одной стороны, в сложной перегруппировке функций между синонимическими конструкциями, в утрате параллельных структур (во внутрисистемной дифференциации), а с другой стороны, — в приобретении новых

моделей и отсеивании тех, которые были менее выразительными (конструкции с предлогами дали, подале, выподи, преки, въздоле, сторонь, посторонь, округь, върху, опричь, пониже, повыше, въскрай и др.). Перераспределение функций между разными конструкциями, появление новых моделей приводило к сужению сферы функционирования одних структур и к расширению других. Развитие словосочетаний с предлогами **отъ, съ, по, около, надъ, предъ, противу, сквозе**, нашло в направлении ограничения их сферы применения. Сфера употребления конструкций с предлогами **къ, черезъ, кругъмь, въкругъ, за** (в значении «следования»), наоборот, расширилась за счет утраты других грамматических средств, употреблявшихся в том же значении. Дифференциация намечалась и в синтаксическом отношении — в закреплении предлогов за определенными группами имен существительных и глаголов.

В процессе развития и становления предложных конструкций пространственного значения отчетливо проявилась тенденция проникновения в их систему моделей живой народной речи, а изменения в семантике и составе анализируемых конструкций были вызваны потребностью языка в более четком и специализированном выражении связей и отношений между предметами и явлениями реальной действительности.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

1. Предлоги **от** (**отъ, ото**), **до** у с пространственным значением в «Повести временных лет», Ученые записки Одесского государственного педагогического института, т. XVIII, Одесса, 1957.

2. Предлоги с пространственным значением в «Повести временных лет» (винительный падеж). Ученые записки Ровенского государственного педагогического института, вып. 4. Кафедра языкознания, Ровно, 1959.

3. Наречные предлоги пространственного значения в «Повести временных лет», Ученые записки Ровенского государственного педагогического института, т. 6, Ровно, 1961.

4. Предлог **К** пространственного значения в памятниках XI — XV вв., Доповіді і повідомлення звітно-наукової конференції кафедр за 1962, Рівне, 1963.

5. Предлоги **отъ, изъ, съ** пространственного значения в

памятниках XI — XIV вв. Тези доповідей і повідомлень звіт-по-наукової конференції кафедр за 1965 рік, Рівне, 1965.

6. Синоніміка приєменникових конструкцій, що виражають просторові відношення (на матеріалі пам'яток давньоруської мови XI — XIV ст.), «Синтаксична будова української мови», К., 1968.

Условные сокращения

Мар. ев. — Памятники глаголической письменности. Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича, СПб., 1883.

Супр. — Супральская рукопись. Труд. С. Северьянова. — «Памятники старославянского языка», П., вып. I, СПб., 1904.

Гр. Вел. Новг. и Пск. — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.—Л., 1949.

Жит. Авв. — Житие протопopa Аввакума, им самим написанное. Изд. Археологической комиссии, Пг., 1916. Исползован список А.

Жит. Феод. — Житие преподобного Феодосия, игумена Печерского. Сборник XII в. московского Успенского собора, изд. под наблюд. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, М., 1899.

Жит. Ниф. — Житие Нифонта по сп. 1219г.—«Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови», Одеса, 1928.

Изб. Св. 1073 — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073., СПб., 1880.

Изб. Св. 1076 — Изборник Святослава 1076, М., 1965.

Ип. — Ипатьевская летопись — «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), П., СПб., 1908.

К.—Печ. пат. — Патерик Киево — Печерского монастыря. — «Памятники славяно-русской письменности», изд. Археологической комиссии, вып. 2, СПб., 1911 (использована Арсениевская редакция).

Котош. — О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошихина, СПб., 1906.

Моск. лет. св. — Московский летописный свод конца XV в. (ПСРЛ), т. XXV, М. — П., 1949.

Новг. I — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Синодальный список, М. — Л., 1950.

Пов. о прихож. Ст. Бат. — Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков, М. — Л., 1952.

Пск. I. — Псковская первая летопись — ПСРЛ, т. 4, СПб., 1848.

Рус. Пр. — «Русская Правда» по древнейшему списку 1282. Под ред. Е. Ф. Карского, Л., 1930.

Сказ. о Бор. и Гл. — Сказание о святых мучениках Борисе и Глебе. В Успенском сборнике XIIв.

Служ. мин. — Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. Труд И. В. Ягича, СПб., 1886.

Усп. сб. XIIв. — Сборник XIIв. московского Успенского собора. Изд. под наблюд. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, М., 1899.

Ответственный за выпуск П. А. ЛЕЩЕНКО.

ВН 00745. Подписано к печати 30-III-1971 г.
1 печ. лист. Формат 60X84 1 / 16. Зак. 1532. Тир. 250 экз.

Здолбуновская районная типография